

А.В.Гордон

ОПЫТ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КНР

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, заведующий сектором Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН.

Поворот к рыночной экономике, частной собственности и предпринимательству двух крупнейших стран социалистического мира – постоянный предмет сопоставлений. Однако по различным мотивам общим местом сопоставлений среди российской политической и академической элиты, а также известной части западных специалистов сделался «взгляд сверху». Успехи рыночных реформ в Китае объясняют всецело или по преимуществу ролью государственной власти. Роль государства, разумеется, никак нельзя недооценивать, но очевидную и чрезвычайно впечатляющую в некоторых направлениях удачу реформ было бы крайним упрощением сводить к личным достоинствам руководителей КПК. Аграрной сферы это касается прежде всего.

У российского руководства оказалось несравненно меньше возможностей для проведения аграрных преобразований. Из-за разрушения существовавшей государственности оно оказалось заложником бюрократического аппарата, тогда как в Китае политическая власть в целом сохранила контроль над администрацией. Не менее важен дефицит политической воли. Если КПК, вступив под давлением снизу на путь «деколлективизации», затем следовала ему, то окружение первого президента России, предложив радикальные реформы, вскоре свернуло аграрные преобразования и обратилось к советской политике 70-х годов «поддержки» аграрного сектора при ограниченных ресурсах и омертвлении или разграблении производственных фондов. Обманув надежды фермерского движения, постсоветские руководители не добились поддержки консервативных сил, опиравшихся на крупные хозяйства советского типа. Возник эффект «красного пояса», устойчивого антиреформаторского объединения местной администрации с сельскими сообществами в самых плодородных районах страны.

В Китае, напротив, руководство сумело заинтересовать проведением реформ местные власти, прекрасно почувствовавшие, что от успеха коммерциализации зависит и материальное преуспевание чиновника, и его карьера. В то же время, в отличие от российской деревни, где сельские сообщества оказались в

полной зависимости от местной администрации, китайские крестьяне могли надеяться на обуздание чиновничьего произвола вмешательством политической власти, заступничеством сверху.

Дефицит политической воли постсоветских реформаторов, в свою очередь, может быть объяснен отсутствием воли к преобразованию своей жизни у деревенской массы. В СССР к 80-м годам сложился уникальный тип сельхозпроизводителя. Как работник госпредприятия он терял желание (не говоря уже о том, что десятилетиями таковое искореняли как «пережиток капитализма») вести свое хозяйство вместе с самой способностью к хозяйствованию. Параллельно из-за уравнительной и формализованной системы оплаты труда («выводилка», учет производительности «от колеса» и т.п.) работник агропрома оказывался слабо заинтересованным в хозяйственном успехе своего предприятия. С одной стороны, сельчане познали преимущества 8-часового рабочего дня и гарантированного денежного дохода, а, с другой – в силу узкой специализации на крупном механизированном предприятии утрачивали универсальные навыки сельского хозяина. Строительство агрогородов за счет сселения «неперспективных» деревень разрушало крестьянский социум; одновременно с упадком семейного, «лично-подсобного» хозяйства распадалась сельская семья, которую исторически сплачивало «единоличное» хозяйствование. Институционные сдвиги были закреплены демографической деградацией (превращение деревни в место обитания старых, немощных и одиноких) и угасанием крестьянской культуры.

В существующих социально-экономических условиях беспримерные бюджетные инвестиции на создание предпосылок «зеленой революции» (химизация, ирригация, индустриализация) надлежащего эффекта не давали, а в определенной мере даже имели негативные последствия (разрушение природной среды). Между тем, несмотря на тенденцию снижения эффективности производства и социальную деморализацию, ярко проявившуюся с 60-х годов в эпидемии пьянства, материальное благосостояние сельского труженика поступательно улучшалось благодаря росту зарплаты, введению пенсионного обеспечения и расширению бесплатного здравоохранения. Улучшение положения сельского труженика происходило исключительно за счет госбюджета, в результате чего оборачивавшаяся иждивенчеством зависимость деревни от власти все более возрастала. Напротив, китайские крестьяне в пенсионном обеспечении, здравоохранении, образовании должны были рассчитывать лишь на себя и свой производственный коллектив. Их положение отягчала непрекращавшаяся, несмотря на тяжелое и временами катастрофическое положение деревни, перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность в соответствии с амбициозными устремлениями Мао Цзэдуна и его окружения. Высокого уровня достигло неравенство между городом, население которого пользовалось государственными привилегиями, и деревней.

Восстановление семейного хозяйствования и его коммерциализация сулили китайским крестьянам, по крайней мере, избавление от полуголодного существования (неслучайно переход к семейному подряду начался с беднейших провинций); российским – многочисленные и трудноразрешимые проблемы. В китайской деревне упразднение народных коммун обнажило неразрушенный базис традиционного крестьянского хозяйствования – семью и деревенское сообщество; в российской – неспособные обходиться без государственной поддержки предприятия АПК как основу социальной организации оказалось нечем заменить.

Можно продолжать утверждать, что в России не нашлось своего Дэн Сяопина, но гораздо существеннее, что в советской деревне после полувека форсированного огосударствления агросферы и смены поколений не оказалось «мужика»¹. Этнокультурные особенности здесь ничего не могут объяснить: русский крестьянин в свое время обеспечил аналогичный подъем сельского хозяйства, когда ему в начале нэпа предоставили аналогичную возможность распоряжаться плодами своего труда. Раскрестьяненная² российская деревня органически не могла «работать по-китайски». Вот этот аспект реформ в КНР – сохранение семейного хозяйствования на основе извечного предельно напряженного физического труда – требуется принять во внимание, чтобы понять предпосылки их быстрого успеха и уязвимые места.

Восторгаясь великим прорывом крупнейшей крестьянской страны в ряды ведущих индустриальных держав, от которых зависит динамика общемирового экономического развития, положение на рынках и финансовое состояние современной глобальной системы, неплохо бы вспомнить, что начиналось все с деревни, с активности обездоленных, измученных постоянными засухами и наводнениями, из десятилетия в десятилетие страдавших от недоедания ее тружеников. Когда в июне 1977 г. в провинцию Аньхой прибыл новый партийный секретарь Вань Ли, ни у него, ни у Дэн Сяопина, возвратившегося тем же летом в состав высшего руководства страны, исследователи не находят какого-либо плана масштабных реформ.

Над провинцией после очередной засухи вновь нависла угроза массового голода, и Вань Ли удалось получить разрешение высшего руководства на «экспериментальное» введение так называемой дворовой ответственности; смысл ее состоял в передаче крестьянскому двору надела, право хозяйствования на котором компенсировалось для местного подразделения (обычно «бригада») народной коммуны поставками продукции этого двора. Достигнутые результаты побудили центральные власти допустить распространение практики семейного подряда (опять-таки в порядке эксперимента) на другие бедные провинции страны.

Избирательное возвращение к семейному хозяйствованию было вначале воспринято как очередная политическая кампания. Ссылаясь на китайскую прессу,

наблюдатели размышляли о «послаблениях» (*фанкуань*), применявшихся время от времени руководством КПК ради выправления положения и поддержания экономического развития страны. Еще в 1980 г. в центральных органах КПК газете «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци» можно было прочесть утверждения, что «закрепление производственной ответственности за отдельными дворами» ни в коем случае не является возвратом к единоличному хозяйству, а, напротив, есть средство укрепления коллективного производства*. Кадры руководствовались «дачжайской моделью», ориентировавшей на разрешение производственных трудностей массовым подъемом трудового энтузиазма.

Однако уже в 1981 г. подряд распространился на плодородные провинции, а к 1983 г. система народных коммун рухнула. То, что произошло, можно вполне назвать народным движением или даже крестьянским восстанием. Мудрость партийного руководства выразилась прежде всего в том, что оно не воспрепятствовало этому натиску, постаравшись на местном уровне придать ему черты необходимого порядка и организованности. И это предопределило главную особенность китайских преобразований: у рыночных реформ на первых порах сложилась самая широкая, какую только можно представить, социальная база. В КНР, в отличие от СССР, коммерциализация пришла снизу.

Важнейшим слагаемым успеха аграрных преобразований сделалось высвобождение огромной трудовой энергии. У крестьянина по меньшей мере вдвое сократилось время, затрачиваемое на необходимый объем полевых работ³. К тому же его не отвлекали больше на общественные работы за пределами деревни (в период «большого скачка» 1958–1961 гг. они требовали от крестьянина 100–150 рабочих дней в году, явившись одной из важнейших причин крупнейшего в истории страны голода, унесшего более 20 млн. жизней)⁴. Высвободившееся время и силы были использованы главным образом для производства продуктов, имевших повышенный спрос на свободном рынке. Крестьянин разводил птицу, зарыблял пруды, выращивал овощи и бахчевые. Продажа дополнительной продукции и принесла первоначальный доход крестьянскому хозяйству. Этот прибыток был очень существен, а в пригородных районах Восточного Китая и весьма обилён.

В среднем, по расчетам, доход крестьянского двора за 1978–1985 гг. почти удвоился (от 133,5 до 248 юаней в ценах 1978 г.). Уверенно росла и продукция сельского хозяйства, включая зерноводство: валовой сбор увеличился в полтора раза за тот же период⁵. Основные достижения аграрных преобразований явились непосредственным следствием «деколлективизации». В среднесрочной перспективе ее эффект оказался более скромным. Если в первые годы реформы

* См.: Развитие сельского хозяйства КНР / Реф. сб. – М., 1982. – С. 212–221.

сельскохозяйственные доходы росли на 10% в год, то с середины 80-х только на 2%, а в конце десятилетия началась стагнация⁶. Одновременно наметилась стагнация в зерноводстве; и зависимость здесь оказывается самой прямой, обнажая первое узкое место реформ. Сохранив за крестьянами обязательные поставки по ценам ниже рыночных и монополизировав рынок зерна, власти КНР подорвали заинтересованность производителей в наращивании сборов урожая.

В китайской деревне стали замечать невиданное явление «ухода от земли»: в малопродуктивных районах, где выполнение сельхозпоставок оказывается особо обременительным, крестьяне добивались подчас сокращения своих наделов. Еще более типичным случаем сделался уход от земледелия, причем наиболее распространенным он становится в плодородных провинциях. Разгадка здесь простая – последние расположены в восточных (особенно дельта Янцзы) и юго-восточных районах страны, ставших главным центром экономического роста. В этих прибрежных районах традиционно был выше уровень развития товарно-денежных отношений, они же энергичнее откликнулись на внедрение рыночной, экспорториентированной и открытой для иностранных инвестиций индустриальной экономики.

Важнейшей составной частью китайских реформ сделалась сельская индустриализация; и ее специфика обнаруживается не столько в самих масштабах (и в западноевропейских странах мощное развитие сельской мануфактуры предшествовало промышленной революции) и не в том значении, какое она имела, преобразуя структуру занятости и социальную структуру тех сельских районов, где получила распространение. Главное – смешанная социально-экономическая природа. Ярчайшее проявление бурного развития рыночной экономики, сельской индустрии генетически остается наследием аграрного социализма в его крайней разновидности народных коммун. В тех случаях, когда производственные фонды последних оказывались значительными, а крестьяне жили несколько лучше, чем в соседних деревнях, возникали производственно-коммерческие объединения жителей («предприятия волостей и поселков» – таково их официальное наименование). Большую роль при этом играли инициатива и деловая хватка лидера. Обычно в этом амплуа выступал человек, имевший тесные связи с местной администрацией, а чаще всего ее глава – секретарь деревенского парткома, становившийся наполовину управляющим, наполовину хозяином предприятия⁷. Подобный генезис предопределяет предельно авторитарную организационную структуру сельских промобъединений.

Однако в отличие от народных коммун авторитаризм здесь опирается на рыночную эффективность, ибо принудительную принадлежность к бригаде заменяет материальная заинтересованность. Крестьяне сносят грубость начальства и наращивают трудовые усилия, понимая, что их индивидуальное преуспевание зависит от конкурентоспособности предприятия. Коллективизм поддерживает

ся как традиционно коммуналистскими методами вплоть до трудовинности и даже поголовного охвата регулярными военно-физкультурными занятиями, так и, главным образом, корпоративизмом – преобладающей ролью общественных фондов и их уравнилельно потребителским распределением: от бесплатных продуктов и жилья до медицинского и пенсионного обеспечения. Работающий в промобъединении не может «выделиться» без потери своей доли в общественных фондах; лишаются ее и девушки, выходящие замуж на сторону. Неизбежно возникающая вынужденная эндогамия усугубляет местную корпоративную замкнутость.

Успех сельской индустриализации, подобно успеху аграрных преобразований в целом, обеспечен использованием в рыночных условиях сохранившегося социального и культурного базиса общественного воспроизводства, традиционного типа сельхозпроизводителя. И это же обстоятельство становится важнейшим ограничителем дальнейшего прогресса в аграрной сфере. Общинная сплоченность, которая первоначально представляла силу промобъединений, поскольку чувство корпоративной собственности побуждало к интенсивному труду, заставляло делить экономический риск, начинает тормозить производственный прогресс, обусловленный переходом от трудоинтенсивности к высоким технологиям. Господствующая система распределения и исключительность корпоративных прав собственности препятствуют пополнению предприятий специалистами, а рост квалификации деревенских жителей заметно ограничен, так как они (пользуясь сравнительным благополучием) избегают оставлять деревню даже ради учебы. Сопряженная с монополией прав собственности узость круга руководителей оборачивается коррупцией и семейственностью.

Резко изменились и макроусловия. Экономическое преуспевание оказалось уделом пионеров сельской индустриализации. Двинувшуюся за ними массу постигла в большинстве случаев судьба опоздавших. Пионеры насытили опустошенный торжеством огосударствления экономики рынок страны (а заодно России и СНГ) дешевым ширпотребом. Для успеха в новых условиях нужны значительные капиталовложения. Экономисты КНР подсчитали, что если в 1984 г. на создание одного рабочего места требовались 1444 юаня основного капитала, то в 1994 г. – 5503. Соответственно происходит нарастающее падение привлекаемой рабочей силы: в 1996 г. на предприятия местной промышленности поступили 6,5 млн. человек (округленно), в 1997 – 4, в 1998 – 3,2, в 1999 г. – менее 3 млн. человек⁸.

Очевидно, что ресурс поглощения избыточной рабочей силы в деревне на путях сельской индустриализации близок к исчерпанию. А это влечет за собой многообразные и очень болезненные как для самой деревни, так и для политики рыночных реформ последствия. Закрывается наиболее надежный и социально безопасный канал экономической мобильности, наиболее дешевый для государ-

ства и благодаря инициативе снизу наиболее эффективный путь смягчения сельской бедности. Выдвинутый руководителями КПК курс индустриализации без урбанизации оказывается под вопросом. Экономисты и социологи КНР, отдавшие дань увлечению «спецификой», теперь все чаще приходят к выводу о неизбежности урбанизации⁹. Подобно тому как было в индустриальных странах в прошлом, за сельской «протоиндустриализацией» наступает время «исхода», т.е. массовой миграции в города, которой власти КНР при Мао Цзэдуне всеми способами пытались противостоять из-за перенаселенности последних.

С началом реформ населенность городов почти мгновенно удвоилась: с 20,8% в 1982 г. до 38,9% в 1987 г. При этом собственно горожане составляли менее 20% населения страны¹⁰, основную часть прироста городов дали люди, зарегистрированные в сельской местности. Послабления в системе регистрации по месту рождения, наследии маоистской политики ограничения урбанизации, и отмена продовольственной регламентации (распределения по карточкам для горожан) открыли путь массовой миграции. Из-за сохраняющейся прикрепительной регистрации (*хукоу*) точная оценка ее невозможна. По расчетам экономистов КНР, в 90-х годах в отходничество были вовлечены 80–100 млн. жителей деревни, половина которых становятся мигрантами (такowymi считаются люди, проживающие вне дома более полугода)¹¹.

На 900 млн. зарегистрированного сельского населения эти величины не кажутся особо значительными. В подобных объемах миграция не способна решить ни проблему аграрного перенаселения, ни проблему сельской бедности, тем более, что заработок мигранта, которому предоставляется как правило особо тяжелая, опасная или грязная работа, вдвое ниже зарплаты горожанина¹² (не говоря уже о затратах на жилье и отсутствии социальных благ). Поддерживая экономический, прежде всего строительный, бум и одновременно обостряя положение в городах, где она пересекается с резким ростом в 90-х годах безработицы среди работников госпредприятий, миграция оказывает двойственное влияние на деревню. Несколько улучшая положение тех дворов, где появляются мигранты¹³, отходничество лишает деревню наиболее активной, трудоспособной и образованной рабочей силы.

Отмечается «феминизация сельскохозяйственного труда»¹⁴, возникает опасность разрушения традиционной семейной организации крестьянского производства. Во-первых, из-за воздействия политики ограничения рождаемости китайские семьи становятся малочисленными, и отходника нелегко заменить (отсюда отмеченный «уход от земли»). Во-вторых, курс «одной семье – один ребенок» предопределяет преобладание мальчиков, особенно заметное именно в деревне; складывается «дисбаланс полов» (до 30–40 млн. невест в ближайшей перспективе)¹⁵, развивается похищение девушек, их продажа из одной местности в другую и т.д. В третьих, быстро происходит старение населения, что из-за

отходничества молодежи особенно опасно тоже именно для деревни с ее традиционной системой семейной ответственности за старых и нетрудоспособных.

Корень многих сельских проблем следует искать в социально-экономическом «дисбалансе» – разрыве между сельскохозяйственными доходами и доходами в других секторах экономики. Прежде всего это выражается в нарастании неравенства между городом и деревней. Заметно сократившееся в начале реформ, оно стало стремительно увеличиваться в 90-х годах, когда их центр переместился в городскую индустрию. В 1997–2003 гг. доходы горожан росли вдвое быстрее доходов крестьян, в результате чего неравенство достигло тройного уровня, а с учетом социальных льгот, которыми пользуются только горожане – шестикратного¹⁶.

«Дисбаланс» становится и важнейшим фактором неравенства внутри аграрной сферы: между районами и отдельными деревнями, активно вовлеченными в промышленный бум, и теми, кто исключительно или по преимуществу занят сельским хозяйством. Уже после первого пятилетия реформ рост доходов в деревне происходил главным образом за счет несельскохозяйственной сферы. Прямым следствием становится растущее отчуждение сельскохозяйственных угодий. Пользуясь унаследованным ими от системы коммун или узурпированным (из-за юридической неразработанности категории земельной собственности) правом распоряжаться коллективной землей, местные власти охотно предоставляют ее под городскую застройку и так называемые зоны развития – объекты промышленности и сферы услуг. Крестьяне лишаются важнейшего экономического ресурса, получая неэквивалентную компенсацию¹⁷, что вызывает их сильнейшее недовольство и вспышки локального или регионального (как свидетельствуют события в провинции Гуандун в конце 2005 г.) протеста, а страна теряет дефицитную пашню. За время реформ (к 1996 г.) потери составили 4% обрабатываемой площади, ежегодное отчуждение сельскохозяйственной земли достигает 218 тыс. га¹⁸. Центральные власти пытаются бороться с тем, что называют «произволом на местах»; но местные чиновники не без основания ссылаются на стратегический курс КПК, освященный именем Дэн Сяопина и поставивший экономический рост во главу угла.

Претворение этого курса местной администрацией привело к несоразмерному в бедных районах увеличению различных сборов с крестьян, в результате чего возникла проблема «крестьянского бремени» (*нунминь ды фудань*). Крестьянские платежи на создание экономической инфраструктуры и строительство культурных объектов, заодно с регистрационными сборами и крупными штрафами за различные провинности (чаще всего нарушение программы регулирования рождаемости), в несколько раз превысили ставку официального налогообложения, установленную на уровне 5% от крестьянского дохода.

Крестьяне считают, что дело самих властей выискивать деньги на подобные проекты. К тому же львиная доля изымаемых средств идет на администра-

тивные нужды, которые возрастают с ростом численности чиновников и увеличением их доходов. Соответственно возрастают раздражение крестьян и ощущение ими происходящего как социальной несправедливости. Как важнейший источник социального протеста в реформируемой китайской деревне новое «крестьянское бремя» проявило себя в 90-е годы. Именно это время бурного роста экономики страны ознаменовалось мощными крестьянскими выступлениями.

В 1993 г. ЦК КПК зафиксировал свыше 6 тыс. массовых акций в сельской глубинке: в 830 из них приняли участие более 500 человек, в 78 – более 1 тыс., в 21 – более 5 тыс. От рук восставших пострадали 8200 человек, ущерб превысил 200 млн. юаней, при подавлении погибли 385 человек. Осенью 1995 г. крестьянские выступления охватили 22 уезда провинций Шаньси, Хэнань и Хунань. Следующая волна прошла в конце 1996 – начале 1997 г.; в мае-июне 1997 г. в провинциях Хубэй, Хэнань, Аньхой, Цзянси восстали полмиллиона крестьян. Они захватывали резиденции партийных органов, громили административные учреждения, помещения служб безопасности и внутренних дел, банки, жгли автомобили. В провинции Цзянси объектом нападений стали снабженческие кооперативы и торговые организации, из помещений которых крестьяне забирали удобрения и цемент. Особой остротой отличалось выступление в провинции Аньхой, где крестьяне захватили товарный поезд, в столкновении с охраной погибли 11 человек, включая пятерых охранников; в двух уездах этой провинции крестьяне захватили склады с оружием. Трое погибли и 54 человек были ранены во время демонстраций в провинции Хэнань¹⁹.

В целом выступления против сверхопложения, затронувшие Центральный Китай²⁰, отличались традиционной стихийностью и локальностью, хотя в ряде случаев власти сообщали о деятельности подпольных организаций. Об определенной политизации свидетельствуют лозунги демонстрантов: «Все богатство земли должно принадлежать крестьянам!», «Покончим с угнетением и эксплуатацией крестьянского класса!», «Да здравствует крестьянское единство и Коммунистическая партия крестьян!». Местные партийные и административные кадры, стремясь отвести от себя возмущение, подогревали антигородские настроения. Предполагают, что именно ими в протестующую крестьянскую массу подбрасывались лозунги типа «Покончим с классом городских эксплуататоров»²¹.

Лейтмотивом настроений выступавших могло быть чувство крестьянской обособленности. Сложившееся при правлении Мао Цзэдуна противостояние жителей города деревне сохранилось и приобрело черты нового отчуждения в ходе рыночных реформ²². В свою очередь, крестьяне видят конечную причину сверхопложения в росте городов и преуспевании их жителей. Однако все же именно местные кадры становятся первой жертвой крестьянского протеста. Особенно тяжело пришлось им в конце 80-х – начале 90-х годов, когда центральные власти уклонялись от вмешательства и применения репрессий. Тысячи местных

чиновников пострадали, были убиты или ранены в столкновениях с крестьянами²³.

Во второй половине 90-х годов центральные власти не останавливаются перед применением вооруженной силы и стремятся сразу противопоставить повстанцам значительные формирования. Так, против 2 тыс. крестьян уезда Чанша (провинция Хунань), протестовавших в январе 1999 г. против сверхобложения, были выставлены более 1 тыс. полицейских, которые рассеяли демонстрантов. При разгоне пострадали свыше 100 крестьян, а один был убит. Случай этот получил огласку на самом высоком уровне. Премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзы в правительственном отчете Постоянному комитету ВСНП осудил использование «диктаторских методов»²⁴.

Позиция центральных властей в какой-то степени даже поощряет крестьянский протест. Крестьяне находят в многочисленных официальных документах о недопустимости чрезмерного обложения, о добровольности сбора различных фондов и т.д. подтверждение легитимности своего сопротивления. В то же время ослабляется его политическая направленность. Крестьянские выступления против сверхобложения не носят антиправительственного характера. Крестьяне отнюдь не отказываются платить налоги вообще. Они за справедливое соотношение между своими повинностями и возможностями, за такую величину «крестьянского бремени», чтобы можно было продолжать хозяйственную деятельность, а выступления при всей их яростности порой предназначены стать сигналом для центральных властей о необходимости вмешательства. Новым явлением в этом традиционно крестьянском поведении становится обращение к центральным СМИ, сообщение которых о мотивах выступления, о причинах недовольства крестьян может разрядить обстановку. Смягчение «крестьянского бремени», отмена ненавистного сбора приводит к восстановлению порядка.

Учитывая подобную логику крестьянского поведения, руководство КПК предпринимает усилия, чтобы убедить крестьян в возможности мирного разрешения проблем сверхобложения. Крестьяне узнают о своих правах, им сообщают о законах и нормах, регулирующих налогообложение, поощряется обращение с жалобами на местные власти в вышестоящие органы. Особое значение в этой политике сдерживания крестьянского недовольства придается внедрению выборных процедур на местном уровне. По закону 1998 г. избираемые крестьянами деревенские комитеты подотчетны собраниям представителей деревни во всех вопросах, включая прежде всего финансы. Выборы надлежит проводить на альтернативной основе, что должно ограничивать монополию партийного руководства. Скомпрометированные в глазах крестьян начальники подлежат отзыву и т.д.

Фактически – это лишь первые шаги по введению деревенского самоуправления. Законом регламентируется гласность решений деревенского комитета по

финансовым вопросам, но собрания представителей не получили права определять величину местных сборов за исключением школьных и дорожных фондов, а также средств на оплату деревенских чиновников. Принципиальный вопрос о подчинении деревенских комитетов волостным властям не получил разрешения. Между тем в середине 90-х годов 60% деревень Китая принадлежали к разряду «административных» (*синчжэн хуа кунь*). По существовавшей практике волостные органы полностью контролировали здесь деревенские комитеты, определяли их состав и деятельность, включая, в первую очередь, финансовые сборы. Деревенские комитеты выполняли даже те решения волостных властей, с которыми были несогласны. По новому закону деревенские комитеты не находятся в прямом подчинении волостным инстанциям, а лишь контролируются ими. Однако, по мнению западных специалистов, это лишь «словесная эквилибристика», и дальнейшая демократизация на местном уровне связана с введением прямых выборов волостного руководства²⁵.

В социально-экономическом отношении неблагоприятные тенденции, возникшие в аграрной сфере, не удалось остановить до самого конца 90-х годов. От падения цен на сельскохозяйственную продукцию крестьяне в 1997–2000 гг. потеряли 1600 млрд. юаней. Съедая прибавку в доходах, росли налоги: с 12,6 млрд. юаней в 1993 г. до 40 млрд. в 1998 г. (округленно)²⁶. Все же и в начале следующего десятилетия сельскохозяйственный налог составлял меньшую часть «крестьянского бремени»: 42,2 млрд. против 200 млрд. юаней дополнительных сборов (в 2002 г.)²⁷. Добившись значительного снижения сельской бедности на этапе «деколлективизации» и решив на определенном уровне проблему продовольственного обеспечения, аграрные преобразования в последующие десятилетия не смогли серьезно продвинуться в этих направлениях.

Разумеется, надо учитывать запутанность определений сельской бедности и условность всяких экономических сопоставлений, тем более в денежном пересчете²⁸. По моим наблюдениям, выше уровня калорийного минимума решающими становятся культурно-цивилизационные критерии и в динамике аграрного развития главное препятствие не бедность сама по себе, а «культура бедности» – порабощенность человека своей нищетой, неспособность и/или нежелание из нее выбиться. Как отмечают исследователи современной отечественной деревни, немало бедняков чувствуют себя достаточно уютно, считая, что им и «так хорошо»²⁹. В России благодаря полусанкционированной «подпитке» семейных бюджетов из различных агрообъединений³⁰, с одной стороны, и благоприобретенному при «развитом социализме» иждивенчеству – с другой, «культура бедности» распространена несравнимо шире. Но сходные наблюдения делают уже и специалисты КНР, называющие это явление «*вэньхуа тинькунь*» – «нищета культуры»³¹.

Руководство КПК хорошо понимает серьезность аграрных проблем. Выступая в феврале 2002 г. в постоянном комитете политбюро ЦК КПК Цзян Цзэ-

минь предостерег, что сельская бедность, наравне с городской безработицей, представляет главную опасность для социальной стабильности в стране³². Это сознают и его преемники, разрабатывая различные меры, призванные облегчить положение. Ставится задача упразднения нижнего, наиболее массового (6–8 млн. человек) управленческого звена, доходы которого всецело зависят от сборов с крестьян и которое в наибольшей степени дискредитировало себя в глазах деревенского населения. Предусматривается включить деревню в реформируемую систему социального обеспечения³³. Государство намерено финансировать распространение в сельских районах обязательного девятилетнего образования. Немаловажные последствия должен иметь активно проводимый новыми руководителями КПК курс на смягчение неравенства между регионами Китая, в первую очередь экономический подъем западных провинций. Именно на Западе и в Центральном Китае высок уровень сельской бедности, здесь располагаются массивы нищеты. Последние партийные решения, директивы 11-го пятилетнего плана (2006–2010) требуют, чтобы успехи экономического роста, достигнутые за счет приоритетного развития прибрежных провинций и крупных городов Восточного Китая, стали достоянием населения деревни и отставших внутренних районов³⁴.

Однако решить задачу перераспределения ресурсов крайне сложно на всех уровнях от высшего руководства до местной власти. Чтобы направить крупные средства на развитие Запада и санацию ставших депрессивными старых промышленных баз, пришлось заморозить многочисленные инвестиционные проекты в центрах экономического роста на Востоке. Это вызвало протест региональных руководителей, которые обращают внимание на опасность замедления общенациональных темпов роста, что сулит обострение социальных проблем³⁵. На местном уровне чиновники обеспечивают свое благосостояние (заодно со значительной частью местного бюджета) за счет богатых деревень, их главы находятся в самых тесных связях с администрацией, входят в состав региональных, а то и общенациональных представительных органов.

Но проблема заключена не только в выделении дополнительных средств на борьбу с бедностью, но и в возможностях их усвоения. Характерно, например, что ассигнования на развитие западных провинций уже начали перетекать на Восток, где капиталовложения дают более быструю и весомую отдачу³⁶. Аналогичные явления неизбежны и в деревне. Социальная структура преобразующейся под влиянием коммерциализации китайской деревни очень далека от классической схемы. Господствуют две тенденции: с одной стороны, сращивание администрации с сельскими нуворишами (благодаря экономическому значению такого ресурса, как власть, и зависимости последней от местных капиталов), а с другой – упомянутая пространственно-отраслевая поляризация внутри сельского мира.

Сельские сообщества, опередившие соседей в реализации промышленных проектов, расположенные поблизости от крупного регионального рынка, оказавшиеся в общенациональных центрах экономического роста, очень значительно, может быть на несколько порядков³⁷ превосходят по уровню своего благосостояния ближних и дальних соседей. Преуспевшие деревни склонны либо самоизолироваться, отгораживаясь от соседей (подчас в прямом смысле слова), либо навязывать им ту или иную форму вассальных отношений (жители бедных деревень, приехавшие нередко из удаленных провинций, работают бесправными наемными рабочими на промышленных предприятиях или на полях богатой деревни).

Подобное неравенство не может не сужать социальную базу для углубления рыночных реформ. В экономику роста активно вовлечена небольшая часть сельского населения³⁸. Теоретически к ней можно добавить и мигрантов, работающих на стройках Шанхая, Пекина, других центров роста, и всех крестьян, везущих свою продукцию на городской рынок, и, в конечном счете, даже тех сельских тружеников, в очень скромном жилище которых находится место для небольшого телевизора³⁹. Но у этих категорий на достижительную мотивацию увеличения знаний, умений, эффективности накладывается традиционная трудопотребительская логика, ориентирующая на обеспечение натуральных семейных потребностей наличными средствами⁴⁰.

Одновременно сдерживается развитие «эффективных хозяйств». Существуют (в отличие от советской практики времен нэпа) различные знаки поощрения их деятельности, преуспевающие хозяева избавлены от призрака «раскулачивания», который самым радикальным образом блокировал рост сельскохозяйственного производства при нэпе; но предельно ограничены возможности расширения хозяйства (отсутствие рынка земли не компенсируется допущением аренды, распространение которой невелико, поскольку для бедноты надел нередко остается последним ресурсом выживания).

Стандартный земельный надел 0,5 га в десять раз меньше оптимального⁴¹ (и к тому же разделен на 8–10 участков). Под давлением громадного аграрного перенаселения китайская деревня остается царством мелкоземелья, что становится едва ли не решающим препятствием для развития «зеленой революции»⁴². Заодно она лишается и финансовой подпитки из самой аграрной сферы. Крестьяне избегают вкладывать свои сбережения в землю, обычно эти средства уводятся из сельского хозяйства или вообще уходят из деревни. Аграрное перенаселение сдерживает и рост производительности труда. Из всех слагаемых «зеленой революции» в большинстве сельских районов Китая, в конечном счете, уверенно прогрессирует лишь рассчитанная на быстрый эффект химизация: применение минеральных удобрений, гербицидов, инсектицидов. Аграрная модернизация неизбежно принимает односторонний характер со всеми вытекающими последствиями для экологии.

Среди отечественных специалистов существуют различные и даже прямо противоположные оценки хода и перспектив аграрных преобразований в Китае. Деревня КНР уже «имеет немало потенциальных черт нового постиндустриального (посткапиталистического) строя», что сулит ей «дальнейшее безболезненное развитие», полагает один из оптимистов⁴³. «Безболезненность» эволюции китайской деревни на путях формирования агропромышленного комплекса прогнозируют и некоторые другие авторы⁴⁴. Существуют, однако, более осторожные оценки, во многом совпадающие с изложенными в статье: скептики пишут о «неполноценности субъектов рынка» и «полунатуральности» крестьянских хозяйств, о поистине историческом дуализме китайской экономики, опирающейся на трудносовместимые типы общественного воспроизводства, указывают на общее отставание деревни и сохранение в ней «многих черт традиционного общества»⁴⁵.

Вопрос, как очевидно, остается открытым. Преобразование существующего аграрного базиса в виде традиционного семейного хозяйства, трудоинтенсивной технологии и административно-корпоративного землевладения требует длительной и сложной эволюции. Объективные обстоятельства – социальная напряженность, обострение продовольственной проблемы, необходимость поддерживать высокие темпы промышленного роста – могут подталкивать в сторону волевых решений. Но накопленный КНР исторический опыт преобразования деревни поистине уникален. Едва ли найдется другая страна (кроме Вьетнама, прошедшего тот же путь при меньшем радикализме), пережившая менее, чем за полвека три глубочайших переворота в аграрной сфере: уравнительное перераспределение земли при образовании КНР, производственное кооперирование в конце 50-х годов, доведенное до локально-коммунистического обобществления, «деколлективизацию» с коммерциализацией. Нет основания сомневаться, что он многому научил и руководство страны, и жителей деревни. Этот опыт в его национальном и международном значении не может не побуждать к сугубой осторожности, внимательности, гибкости и вместе с тем настойчивости и последовательности в политических решениях, касающихся весьма уязвимой в современном цивилизационном процессе сферы, динамику которой столь трудно прогнозировать.

Примечания

1. Характерно, что в 80-е годы, во время перестройки люди, подобные «архангельскому мужику» Николаю Семеновичу Сивкову, смотрелись белыми воронами и становились знаменитыми, получая мужицкий «титул», благодаря своей исключительности.

2. Некоторые авторитетные отечественные специалисты полагали, что рыночные преобразования в российской деревне могли бы иметь успех в начале 60-х годов, когда

еще сохранилось и сохраняло трудоспособность первое колхозное поколение. Такую точку зрения высказывал в частности В.П. Данилов на заседаниях аграрного семинара в Интерцентре МВШСЭН и в личных беседах с автором.

3. С 600 до 300 человеко-дней на гектаре риса и с 400 до 200 – на гектаре пшеницы. (См.: Auber C. Investissement – travail et infrastructures agricoles: bilan et actualité des corvées en Chine // *Tiers Monde*. P., 1991. – Т. 32, N 127. – P. 520–521). В пересчете на стандартный семейный надел 0,5 га это означает 250 дней на две культуры; снижение трудозатрат создало таким образом предпосылки для перехода к системе сбора двух урожаев. В случае отхода от зерновой специализации к диверсификации экономия рабочего времени оказывалась гораздо больше. По материалам полевого обследования 1981 г. в провинции Сычуань трудозатраты сельского хозяина сократились с 300 рабочих дней в коммуне до 60 на своем участке (Prosterman R.L., Hanstad H.M. A fieldwork-based appraisal of the household responsibility system // *Agrarian reform and grassroots development*. N.Y., 1990. – P.104).

4. Auber C. Op. cit. P. 523.

5. Prosterman R.L., Hanstad H.M. Op. cit. P. 105.

6. Hy Van Luong, Unger J. Wealth, power and poverty in the transition to market economies // *China j.* – Canberra, 1998 – N. 40. – P. 68–69.

7. Подобный социальный тип отмечен и в постсоветской деревне. Яркий и достоверный автопортрет см.: Кочегура А.Т. От колхоза к холдингу. М., 2001. См. также: Никулин А.М. Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества // *Рефлексивное крестьяноведение* / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002 – С. 343–373.

8. См.: Китайская деревня: рубеж тысячелетий / Реф. сб. М., 2001. – С. 77.

9. Вот характерный вывод: «Урбанизация – единственный путь поглощения избыточной рабочей силы деревни, повышения доходов крестьян и преобразования сельской общности» (Li Peilin. Great transformation: End of the villages // *Social sciences in China*. – Beijing, 2002. – Vol. 21, N 1. – P. 7).

10. Ma Z., Liaw K.-L., Zeng Y. Migration in the urban – rural hierarchy of China // *Environment and planning*. – L., 1997. – Vol. 29, N 4. – P. 711. К настоящему времени уровень урбанизации достиг трети населения страны.

11. См. Китайская деревня: рубеж тысячелетий. – С. 134–136.

12. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. М., 2005. – С. 306.

13. По материалам выборочного обследования, проведенного Институтом экономики Академии общественных наук КНР в середине 90-х годов, 1182 из почти 8 тыс. обследованных «эффективных дворов» получали денежные переводы от мигрантов, и эти переводы составляли четверть дохода хозяйства (см.: Китайская деревня: рубеж тысячелетий. – С. 135).

14. Judd E.R. Gender and capital accumulation in Chinese village enterprises // *Culture and economy: The chaping of capitalism in East Asia* / Ed. by T. Brook a. Hy Van Luong. Ann Arbor, 1997. – P. 225.

15. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 314.
16. Там же. С. 301. Аналогичные оценки дают американские эксперты: Dreyer J.T. *The limits to China's growth* // *Orbis* – Philadelphia, 2004. – Vol. 48, N 2. – P. 236–237.
17. По подсчетам экономистов КНР, 60–70% средств от продажи прав землепользования в среднем по стране достается администрации уездов (которая 40–60% полученных сумм переправляет подчиненным ей властям) и волостей, 25–30% оказывается в распоряжении деревенского руководства и лишь 5–10% получают крестьяне (Guo Xialin. *Land expropriation and rural conflicts in China* // *China quart.* – L., 2001. – N 166. – P. 424. Го Сялинь ссылается на статью Вэнь Тичжуня и Чжу Шоуиня «Первоначальное накопление капитала местными властями и земельные проблемы в условиях ускоренной урбанизации» в: Цзинцзи яньцзю – 1996. – N 1. – С. 20–25).
18. Ho P. *Who owns China's land? Policies, property rights and deliberate institutional ambiguity* // *China quart.* – L., 2001. – N 166. – P. 395.
19. Краткий обзор крестьянских выступлений 90-х годов см.: Bernstein T.P., Lü Hiaobo. *Taxation without representation: Peasants, central a. local powers in reform China* // *China quart.* – L., 2000. – N 163. – P. 742–763. Авторы ссылаются на прессу КНР, главным образом пекинский журнал «Чжэнмин». См. также: O'Brien K.J. *Collective action in the Chinese countryside* // *China j.* – Canberra, 2002. – N 48.
20. Местные власти Центрального Китая, стремясь достичь уровня благосостояния ставших фаворитами экономического развития восточнокитайских провинций, как отмечают наблюдатели, особенно усердствовали в поборах с населения.
21. Bernstein T.P., Lü Hiaobo. *Op. cit.* P. 759.
22. На первом этапе реформ в 80-х годах горожан раздражали главным образом крестьяне-торговцы, которые наживались, запрашивая слишком большую, по мнению горожан, цену за свой товар. Широкая миграция крестьян в 90-х, одновременно с массовыми увольнениями городских рабочих, усилила взаимотчужденность: отношение горожан к мигрантам в КНР весьма напоминает московские реалии. В политическом плане характерна самоизоляция повстанцев на площади Тяньаньмэнь в мае 1989 г. от деревни (впрочем как и от рабочих). Участники студенческого движения и не подумали обратиться к крестьянству, относясь к нему, как считают некоторые исследователи, с элитарным высокомерием и усматривая в крестьянах «носителей хаоса» (Bernstein T.P., Lü Hiaobo. *Op. cit.* – P. 760).
23. Béja J.-Ph. *Á la recherche d'une ombre chinoise: Le mouvement pour la démocratie en Chine (1919–2004)*. P., 2004. – P. 238.
24. Шицзе жибао. 1999. 3 апреля. Цит. по: Bernstein T.P., Lü Hiaobo. *Op. cit.* – P. 758.
25. Ibid. – P.762. См. также: Китайская деревня: рубеж тысячелетий. – С. 117–127; Guo Zhenglin, Bernstein T.P. *The impact of elections on the village structure of power: The relations between the village committees and the Party branches* // *J. of contemporary China*. – Abingdon, 2004. – Vol. 13, N 39 – P. 257–275; Rong Hu. *Economic development*

and the implementation of village elections in rural China // Ibid. 2005. – Vol. 14, N 44. – P. 427–444.

26. Béja J.-Ph. Op. cit. – P. 235.

27. Цайцзин шибао. 2003. 10 ноября (Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 325).

28. В 2001 г., по официальным данным, 45,2% сельчан имели среднедушевой годовой доход, эквивалентный менее 2000 юаней (менее 67 центов или 20 руб. в день), а 10,8% – менее 1000 юаней (Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 17 января. См.: Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 295).

29. Буздалов И.Н. О социально-экономической природе бедности // Россия и современный мир. – 2005. – № 2. – С. 149.

30. Подобный «симбиоз» очень четко фиксируется на уровне эмпирических наблюдений. См. например: Фадеева О.П. Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды (по результатам бюджетных обследований на Кубани и в Поволжье) // Рефлексивное крестьяноведение. – С. 161–215.

31. Китайская деревня: рубеж тысячелетий. – С. 157.

32. South China Morning Post. 2002. Feb. 6. (Cit.: Wong L. Market reforms, globalization and social justice in China // J. of contemporary China. – Abingdon, 2004. – Vol. 13, N 38. – P. 168).

33. В настоящее время система регулярной господдержки неимущих охватывает лишь 0,5% сельского населения (Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 295).

34. Из беседы автора с сотрудниками Института экономики Академии общественных наук КНР в октябре 2005 г. См. также сайт «Жэньминь жибао»: <http://english.peopledaily.com.cn>

35. Cheng Li. The new bipartisanship within the Chinese Communist Party // Orbis – Philadelphia, 2005. Vol. 49, N 3. – P. 395–396.

36. Lin Woo-Long, Chen T.P. China's widening economic disparities and its «Go West program» // J. of contemporary China. – Abingdon, 2004. – Vol. 13, N 41. – P. 663–686.

37. До 1000 раз, по наблюдению социантрополога из КНР, отметившего в долине Янцзы случаи «анексии» преуспевшими деревнями земель своих бедных соседей и экономического закабаления последних (см.: She Xiaoye. Pluralism of village boundaries: Conflict a. coexistence within an open economic boundary a. closed social boundary // Social sciences in China. – Beijing, 1998. – N 2. – P. 94–104.

38. Подсчеты, конечно, затруднительны; можно отталкиваться от численности той категории (8,5%), уровень доходов которой значительно превышает, по официальным данным, средние показатели (см.: Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 295).

39. По собственным наблюдениям в считающейся небедной деревне средней по уровню доходов восточнокитайской провинции Шаньдун (май 2001 г.).

40. В свое время эту традиционную логику крестьянского хозяйствования определил А.В. Чаянов популярной до сих пор в крестьяноведении формулой «труд-потреб-

тельского баланса». При всех издержках она остается необходимым отправным пунктом (см.: Гордон А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. / Уч. зап. – 1999 – С. 5–25).

41. Хозяйственный оптимум 79 *му* (современный надел 8 *му*) был определен специалистами, проводившими полевые исследования в 30-х годах, в условиях естественной социально-экономической дифференциации (см: Bramall Ch. The role of decollectivisation in China's agricultural miracle, 1978–1990 // J. of peasant studies. – L., 1993. – Vol. 20, N 2. – P. 277).

42. Неслучайно отечественные специалисты пишут, что введение подрядной аренды сделало лишь «первую половину дела», и назрела потребность «более глубокой земельной реформы» (Современная китайская деревня: Основные тенденции социально-экономического развития. Ч. 2. – М., 1992. – С. 53–55).

43. Салицкий А.И. Взаимодействие КНР с мировым хозяйством. М., 2001. – С. 95.

44. См.: Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. – С. 224.

45. Курбатов В.П. Актуальные проблемы КНР: Демография, агросфера, экология. М., 1996. – С. 189, 193; Бони Л.Д. Рынок в китайской деревне (1978–1995). Ч. 2. М., 1997. – С. 16–17; Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 300.